

[на главную](#)
[страницу](#)*Вячеслав Вс. Иванов*

Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского

Одним из особенно интересных примеров взаимодействия многих языков, систем письма, вероисповеданий, этнических групп на территории одной страны, остающихся моделью не только для теории контактов языков, но и для обсуждения проблем общения внутри интегрируемой Европы [1] и других подобных существующих и будущих объединений, была на протяжении нескольких столетий (с XIV до XVI вв. н.э.) языковая ситуация Великого Княжества Литовского и соответствующих территорий в более позднее время. Ниже рассматриваются некоторые проблемы функционирования славянских диалектов и письменных языков на территории Великого Княжества Литовского в связи с вопросами многоязычия, характерного для этого специфического государственного образования. Хотя часть соответствующих письменных памятников исследовалась еще начиная с позапрошлого века, общая картина стала проясняться лишь в последние годы, когда эти вопросы привлекли внимание многих исследователей [2]. В настоящем сообщении упор сделан на то, как могло осуществляться взаимодействие славянских языков с примерно двумя десятками других языков Великого княжества Литовского, которые кратко обозреваются ниже.

0. Введение в тему.

Рискуя выйти за рамки академического жанра доклада, я поясню на собственном исследовательском опыте живучесть и актуальность описываемой ниже ситуации. Мне несколько раз приходилось сталкиваться со следами этого диковинного многоязыкового мира, обломки которого дожили до наших дней. Летом 1958г. знакомые литовские диалектологи дружески пригласили В.Н.Топорова и меня участвовать в их экспедиции в литовские деревни на территории Белоруссии. Пробирая изучать архаический диалект жителей этих деревень, ранее известный по записям Герулиса и Станга, я услышал и их необычную для меня славянскую речь, где узнавал знакомые польские, белорусские и русские элементы в новом соединении. Когда я спросил их, что это за язык, на котором они говорят, они мне ответили: «По-просту». Позднее я узнал, что «простой мовой» назывался и разговорный славянский язык Великого Княжества Литовского, и более близкий к нему язык великокняжеских канцелярий и переводов священных текстов, выполненных в этом государстве. Характер этой связи части славянских языков с географически к ним близкими языками балтийскими с точки зрения теории языковых союзов [3] изучался в последующие годы В.Н.Топоровым и работавшими под его руководством сотрудниками Сектора структурной типологии славянских языков московского Института славяноведения. Их труды отражены в частности, в выпускаемых Сектором ежегодниках «Балто-славянские исследования». Постоянное общение с друзьями и коллегами по Сектору многое для меня прояснило в понимании современных языковых и культурных продолжений Великого Княжества Литовского.

С другим языковым остатком этого государства в конце 1950-х годов я столкнулся в Трокае под Вильнюсом, где литовские друзья-лингвисты познакомили меня с первосвященником караимов Фирковичем. Караимы, когда-то приведенные из Крыма литовским великим князем Витовтом и составлявшие основу лейб-гвардии литовских великих князей, на протяжении половины тысячелетия продолжали жить в Литве. В то время они составляли еще большую часть населения Трокая. Я побывал в их молельном доме, напоминающем синагогу, хотя он от нее и отличается, как между собою разнятся и наборы сакральных текстов и соответствующих языков у караимов и в ортодоксальном иудаизме, о чем см. ниже. Фиркович мне рассказывал, как, желая спасти свой народ от вероятного преследования, он объяснял Пилсудскому, а потом нацистскому гаулейтеру Прибалтики, чем караимы, по разговорному языку турки, отличаются от евреев. В семейном архиве Фирковичей я увидел образцы написанных арабским письмом ранних образцов восточно-славянских текстов, составленных на территории Литовского Великого Княжества. Позднее я начал изучать подобные западно-русские и тюркские («литовско-татарские») тексты, записанные восточными (арабским и армянским) видами письма; некоторые из жанров этих текстов рассмотрены ниже.

Еще раз я смог не на востоке, а на западе - в Польше - наблюдать продолжение традиций того странного веротерпимого союза разных религий и языков, который просуществовал на этой земле несколько веков. В 1988г. (через 30 лет после той поездки в литовские деревни) я приехал на конференцию в Беловежье, в места близ польско-белорусской границы. Участникам конференции показали местные села. Поразило, что католический костел, православная церковь и мечеть стоят рядом в одной деревне (до нацистских зверств были и синагоги), и священники, как и миряне, поддерживают друг с другом добрососедские отношения. Сохраняющиеся различия конфессиональных и разговорных языков этому не мешают. Этот симбиоз вер и языков для историка языка благодетелен и может быть привлечен, в частности, для того, чтобы опровергнуть неизбежность столкновения религий и языков в объединенной Европе [4]. Должен, однако, оговориться, что эта (относительная) гармония может быть предположена для определенного периода во внутренней истории Великого Княжества Литовского, тогда как внешняя его история (особенно после унии с Польшей) изобиловала конфликтами с соседями, в частности, восточным-Московской Русью, что сказалось и на лингвистическом материале (языках и их контактах), и на металингвистическом его осмыслении. Вместе с тем продвижение Тевтонского

ордена и других немецких колонизаторов на северной прибалтийской окраине Великого Княжества угрожало существованию нескольких языков или ограничивало их функционирование.

С середины 1990-х годов, по мере того как в Европе происходили радикальные изменения и готовилась ее интеграция, история языков и культурных традиций Великого Княжества Литовского все больше стала привлекать внимание ученых. В Будапеште и в Москве (в доме Балтрушайтиса) состоялись международные конференции, этому посвященные, вышли или готовятся к печати сборники докладов и статей. Аспиранты, увлеченные этой проблематикой, устроили в феврале 2001г. в Лос Анджелесе международную конференцию, где вместе с американскими учеными были и специалисты из России, Израиля, Италии. Вдвоем с Пьетро Дини, который один из первых на современном уровне знаний описал эту необычную историческую ситуацию в своей книге о балтийских языках, мы набросали общий план изучения функций каждого из примерно 20 языков Великого Княжества Литовского в их взаимодействии. Этот план мы доложили и обсудили на лос-анджелесской конференции с некоторыми из возможных участников будущей работы. Ниже использованы результаты многолетних дискуссий с ними и другими коллегами, а также их многочисленные опубликованные и еще не напечатанные работы, за недостатком места только частично отмеченные в тексте. Я в особенности признателен А.Архипову, Ю.Верхоланцевой, П.Дини, М.Таубе, В.Н.Топорову. Ответственность за излагаемые выводы из всех этих работ лежит, разумеется, на мне.

I. Языки Великого Княжества Литовского и соседних областей (общий обзор).

Для XIV-XVII вв. можно предварительно наметить такую картину функционального многоязычия на территории Великого Княжества Литовского[5].

Северо-западные индоевропейские языки. А. Славянские языки.

1. Устный западно-русский (рутенский) или «простая мова» («по-просто»). Реконструированные черты устной речи (раннеукраинской и раннебелорусской). Диалекты этого устного языка, представляющие собой раннюю форму западных восточнославянских диалектов- (старо)белорусского и/или (старо)украинского, использовались основной массой населения в повседневном общении и вместе с элементами церковнославянского (преимущественно западнорусского извода) и польского языков легли в основу главного письменного языка Великого Княжества Литовского, на котором, в частности, писались документы великокняжеской канцелярии[6]. Выделяя в этом письменном языке черты, заимствованные из устных восточно-славянских диалектов, где они сохранялись и позднее (отчасти вплоть до настоящего времени), можно дать характеристику важнейших особенностей этих диалектов в эпоху Великого Княжества Литовского. Согласно выводам специальной монографии Станга, в наиболее ранних из этих документов, относящихся к XIV-XV вв., преобладают диалектные черты украинского типа (такие, как, в особенности, развитие старого *ѣ в *i*[7]). Однако постепенно по мере изменения границ и соотношения демографической значимости разноречных групп получают преобладание черты белорусского типа[8]: смещение *ѣ и *е[9], аканье и цоканье. Эти различия вычлениются на фоне таких общезападнорусских фонетических черт, как развитие *w->w-/V & u/C[10] (праславянская билабиальная губная фонема сохраняется в позиции перед гласным и развивается в лабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема в позиции перед согласным, что отражается в мене графем, их обозначающих), утрата начального *ji-, спондантизация заднеязычного звонкого смычного[11], развитие слабого ера в *ы* (ъ>у) после плавных *г, д*[12]. Распространение некоторых изоглоссов ("умягчительное" *'a>eC'-C в позиции после палатализованных согласных[13]) приурочивается к изменению границ Великого Княжества Литовского и Польши: в этом случае социолингвистические факторы прямо отражены в соотношениях диалектов. Из морфологических изоглоссов, объединяющих западнорусский с украинским и белорусским, можно отметить наличие особой звательной формы. Для периода, с которого начинаются дошедшие в позднейших копиях XV III- XIX вв. тексты на более разговорном варианте языка, записанные арабским письмом, устанавливается постепенное движение от структуры, близкой еще к простой мове, к белорусскому: так можно интерпретировать, напр., отличия вариантов Кнѣжа у Милкановича (1781г.) и в поздней копии XV III- XIXвв., найденной в Британском Музее[14]. Близость фонетики и морфологии письменного западнорусского языка к белорусскому подтипу западно-восточнославянского доказывается и этими дополнительными источниками[15]. Граница между белорусскими и русскими говорами является размытой, что обычно объясняется борьбой между Великим Княжеством Литовским и Русским государством, при которой земли, лежащие между ними (как Смоленская) неоднократно переходила из рук в руки[16].

2. Письменный западно-русский (рутенский) язык (русская мова и простая мова). На разных жанровых вариантах западнорусского (рутенского) письменного языка написаны уже упомянутые законодательные и деловые тексты великокняжеской канцелярии, а также летописи, разнообразные церковные канонические и неканонические сочинения, словари и некоторые другие тексты металингвистического характера и многочисленные переводы (с польского, хорватского, старочешского и других раннеписьменных славянских языков, с древнееврейского). Этот письменный язык, представленный в нескольких вариантах, содержит значительное число церковнославянских лексических элементов и синтаксических конструкций. Однако наличие ряда характерных фонологических и морфологических черт, объединяющих этот письменный язык с устной «простой мовой» и родственными ей украинскими и польскими диалектами, заставляет признать этот язык одним из тех письменных раннеславянских койнэ, где (как, например, и в древнерусском языке большинства текстов литературы Киевской Руси) соединились церковнославянские элементы с местной традицией разговорного языка. Юлия Верхоланцева, в последние годы много сделавшая для определения характера этого письменного языка и анализа текстов на нем, переведенных с чешского, в своих недавних работах подчеркивает его смешанный характер[17].

В недавнее время была сделана попытка установить различие между канцелярским (в XIV – м – XVII-м вв.) и сакральным (начиная с XVI-го в.) употреблением письменного языка - соответственно «русской мовы» и «простой мовы»[18].

Для установления характера функциональных различий между письменным западно-русским и церковнославянским большую роль играют такие переводные тексты, как Книга Даниила, где используются в разных частях оба языка, при чем их различие может отражать сходное различие между двумя языками (в частности, древнееврейским и арамейским, см. ниже) в подлиннике.

3. Польский язык. По мере увеличения роли польского элемента в Великом Княжестве Литовском и его управляющих структурах главным образом после его унии с Польшей возрастала и роль польского языка, заимствования из которого характеризуют западно-русские диалекты с самого начала их жизни. Ко времени завершения существования Великого Княжества усиливается антагонизм польского языка и письменного западно-русского в его административной (канцелярской) функции. Противостояние к концу XVI в. завершается полной победой польского языка, окончательно вытесняющего западно-русский. Вместе с тем постепенно значение польских по происхождению черт настолько увеличивается, что в ряде случаев оказывается под вопросом разумность отнесения языка определенного западно-русского текста к восточно-славянским языкам, а не к западно-славянским (с очень большим числом восточнославянизмов) или к некоторому промежуточному смешанному типу[19]. Польский язык становится одним из главных сакральных языков Литвы после принятия католической веры. С него выполнен ряд переводов на старолитовский, в котором содержится и много полонизмов. Разговорный польский язык был одним из языков Вильнюса и всего великокняжеского двора.

4. Чешский язык. Особое значение имеет язык тех старочешских текстов как духовного, так и светского повествовательного содержания, с которых сделаны переводы на западнорусский. Предполагается, что в их создании в XV -XVI вв. участвовали монастырские авторы чешского происхождения[20]. Но частично польское влияние шло через посредство польского языка.

5. Церковнославянский. В западно-русском изводе церковнославянского языка (в дальнейшем сокращенно обозначаемого в данном сообщении просто как «церковнославянский») было некоторое количество слов и выражений, заимствованных из простой мовы. Но в целом по своей структуре язык оставался продолжением старославянского, как и другие изводы церковнославянского, из которых для литературы Великого Княжества были существенны чешский, русский и хорватский. На основании описываемых ниже переводных текстов высказывается предположение, что в XVI в. (после выработки сакрального жанра рутенского или простой мовы) церковнославянский, на котором были написаны основные православные священные тексты, ей противопоставлялся как сакральный язык высшей ступени.

6. Русский язык и его диалекты.

Русский (великорусский в старой терминологии) или восточно-русский язык и его диалекты был распространен на территории Великого Княжества Литовского и соседних областей, в частности, тех, которые находились между ним и Московской Русью. На северо-западных русских (древненовгородском и псковском или кривичском) диалектах говорили на северной границе Великого Княжества Литовского на территории, исторически связанной с балтийскими языками и с Литвой и древней Пруссией[21]. В говорах, распространенных у этой границы, обнаруживаются явления, их объединяющие. В частности, в них имело место развитие *dl>gl[22], общее для этих северных восточнославянских диалектов с западно-украинскими[23] и восточно-балтийскими (в западно-балтийском прусском, как и в польском, сохранялось * dl),. Похоже, что речь может идти о явлении типа тех, которые характеризуют языковые союзы.

Среди группы лиц, говоривших по-русски в Великом Княжестве Литовском, были и выехавшие или бежавшие из России из-за испытанных ими там религиозных, политических и других трудностей или преследований. К их числу относился и знаменитый первопечатник Федоров, деятельность которого начинается издание пособий для преподавания славянских языков, использовавшихся в Восточной Европе.

Характерное для XV в. оживление металингвистических работ (грамматик и словарей) по большей части осуществлялась в Великом Княжестве Литовском. Позднее эта традиция оказала определяющее влияние на создание схемы описания русского языка в Российской империи.

По мере нарастания политического и военного противостояния Польши и Литвы, с одной стороны, России, с другой, возрастало отрицательное отношение к русскому языку, который противопоставлялся другим языкам Великого Княжества. Увеличение негативной оценки русского языка и его роли сказалось и в некоторых сочинениях металингвистического направления.

Не все выходцы из России получали благожелательный прием; в качестве примера можно привести судьбу Спиридона- Саввы.

Б. Балтийские языки

1. Восточно-балтийские

7. Литовский язык и его диалекты. Хотя предполагается, что зона употребления литовского языка (как и других балтийских) была первоначально значительно шире, она в исторический период существенно сузилась. Но в Пруссии и Белоруссии сохранялись следы более обширной зоны, некогда занятой населением, говорившем на литовском языке. О более отодвинутых на северо-восток границах этой территории, непосредственно примыкавшей к Новгороду, свидетельствует как топонимика и ономастика, исследованная в цикле продолжающихся работ В.Н.Топорова, так и следы влияния балто-финских

языков. Им можно объяснить такие черты старолитовского языка, как система локальных падежей. Литовский язык, на котором говорило население, сохранившее архаическую политеистическую религию индоевропейского происхождения[24], оставался бесписьменным (письменность на всем обозреваемом пространстве связана с большими религиями осевого- в смысле К. Ясперса- времени; не исключено, что с религиозными соображениями и табу было соотнесено отсутствие письменности на литовском языке, появляющейся после принятия католической веры и начала сильного польского влияния). Интересным вопросом представляются причины отсутствия в старой Литве, сопротивлявшейся Тевонскому ордену, немецкого влияния, во всяком случае в том объеме, который привел к умиранию прусского языка и создал угрозу для латышского (столкновение литовского и немецкого языков в Пруссии и прилегающих районах относится к позднему времени). Боясь западных соседей и связанных с ними латыни, польского и немецкого языков, литовская элита и великий князь принимают простую мову в качестве основного языка деловых актов. Литовский язык содержит большое число польских заимствований, лишь отчасти восходящих ко времени первых контактов двух языков, а в основном проникших в язык после принятия в Литве католичества. В старолитовских текстах представлены некоторые диалектные вариации внутри аукштайтских говоров (например, в текстах Бреткунаса). Жемайтский диалект севера и северо-запада Литвы отличается от других литовских говоров и имеет с чисто лингвистической точки зрения необходимую для отдельного языка самостоятельность, нереализованную по внешним причинам. Этот диалект по структуре тонов, среди которых один характеризуется ларингализацией, входит в зону, включающую также латышский язык, ливский, южно-эстонский диалект лейву, образующие единую цепь вдоль Балтийского моря, и германские языки, как датский и исландский.

8. Латышский язык и его диалекты, латгальский язык. Несмотря на исключительный архаизм литовского языка, сохраняющие многие позднеиндоевропейские формы (времени после отделения хеттского языка) почти без изменения, именно в латышском языке отражены в наиболее полном виде некоторые из индоевропейских мифологических представлений и соответствующие слова и названия (как *Jumis*[23]). Поэтому и здесь прослеживается связь древней религии с отсутствием письменности, приходящей после крещения. Ранние заимствования из восточнославянского (*ķurmis* “тюрма”, *ķiseļs* “кисель” и др.) подтверждают интенсивность контактов на латышско-восточнославянской границе. Хотя формально латышский язык входил в сферу влияния Польско-Литовского государства, к XVI-му в. растущее немецкое воздействие приводит к постепенному превращению немецкого языка в средство общения элиты, латышский язык, в то время сохранявшийся преимущественно в деревнях, частично вытесняется немцами из городов. Религиозные различия между протестантизмом в Латвии и католичеством в Латгалии способствуют обособлению латгальского языка, который в меньшей мере подвержен немецкому влиянию и имеет существенные следы взаимодействия с восточно-славянскими языками. В латышском языке содержится много заимствований из умершего куршского языка, который по ним реконструирован; в более раннюю пору он занимал существенную часть территории к северу от области, занятой литовским языком.

II. Западно-балтийские

9. Прусский язык. Самые ранние сведения относятся ко времени, когда у пруссов еще сохранялась архаичная религия, восходящая к балто-славянской и индоевропейской, и соответствующая древняя терминология. В этом пруссы и ятвяги сходны с литовцами и латышами раннего периода и у них тоже отсутствует письменность. Можно полагать, что в околобалтийском пространстве от поморских славян через Пруссию и Литву до Латвии тянулась циркумбалтийская цепь славянских и балтийских архаичных культур, сохранявших древнюю религию и соответствующие лексические и семантические элементы; все они характеризовались отсутствием письменности, возникающей только после прихода христианства (если в этот ранний период уже возникала необходимость в письменной передаче информации, она осуществлялась на другом языке, отсюда роль западнорусского письма с кириллической письменностью у первых литовских великих князей); продолжение этой циркумбалтийской зоны можно видеть в областях, занятых балто-финским населением на севере и скандинавами на северо-западе и востоке (варяги на Руси)[26]. Хотя номинально Пруссия входила в область юрисдикции Великого Княжества Литовского, достаточно рано начинается немецкая агрессия вдоль территорий у Балтийского моря в направлении на северо-восток. Образуется немецкое герцогство Пруссия. Прусский язык выходит из употребления. Теперь мы о нем знаем только по немногочисленным текстам, за малыми исключениями переводным и связанным с христианской религией, то есть поздним не только по хронологии, но и по семантике. В языке есть значительное количество польских заимствований, явившихся в целом результатом поздних контактов периода существования Польско-Литовского государства. Более ранние контакты со славянами привели к употреблению ряда древних форм славянского происхождения (по глоттохронологии прусский язык ближе к славянским, чем восточно-балтийские, поэтому контакты первоначально облегчались значительной близостью языков).

10. Ятвяжский язык. Среди номинально входивших в сферу влияния Великого Княжества Литовского западно-балтийских языков, в основном постепенно исчезнувших под натиском немецких колонизаторов, ятвяжский дальше других продвинулся на восток. Ранее его восстанавливали по крайне скудным и отрывочным свидетельствам. Обстоятельства сохранения копии при уничтожении оригинала сравнительно недавно найденного ятвяжского словарика, который бы подтверждал длительное существование ятвяжского на собственно литовской территории, остаются настолько загадочными, что это свидетельство пока нельзя считать достоверным[27].

В. Германские языки

11. Идиш. Согласно новейшим исследованиям по истории идиш, предполагается более раннее начало его обособления от других (средне)немецких диалектов (до этого принималась дата XIV в.) и значительная роль в этом процессе наряду с древнееврейским, сохраняющимся и дальше в качестве сакрального и ученого языка, также и славянских диалектов. Хотя этот период формирования языка мог протекать на территории Германии, тем не менее достаточно скоро значительные массы населения переселяются дальше на Восток. На территории Великого Княжества находились также группы еврейского населения, переселившегося в Галицкую Русь из Киевской Руси, где роль еврейского населения и древнееврейского языка как средства письменной коммуникации для X в. и позднее доказывается кембриджским письмом (из архива каирской генизы) и другими недавно выявленными

данными. Переход переселенцев с Юго-Востока, как и евреев, оставшихся на Украине, на идиш, сложившийся в Центральной Европе, должен был осуществиться на территории Великого Княжества Литовского в первые столетия его существования.

12. Нижненемецкий и верхненемецкий. Нижненемецкий и верхненемецкий распространяются на северной окраине Великого Княжества Литовского, постепенно вытесняя прусский и другие западно-балтийские диалекты и ограничивая возможности литовского языка на границе Литвы и Пруссии и навязывая свое иерархически значимое положение латышскому и отчасти южно-эстонскому. Северная граница немецкой экономической экспансии находится в районе Новгорода, вовлеченного в систему ганзейских городов. Но, судя по берестяным грамотам, в западно-христианской церкви в Новгороде (в его Готском конце) богослужение велось на латинском языке (сохранилась грамота с перечислением латинских названий служб). В более позднее время немецкий приобретает все большее значение как инструмент для лингвистического описания прусского (начиная с Эльбингского словаря), литовского и некоторых других языков Великого Княжества и прилегающих областей (словарь псковского диалекта Фенни и др.).

ДРУГИЕ ЗАПАДНО-ИНДООЕРОПЕЙСКИЕ («ДРЕВНЕЕВРОПЕЙСКИЕ») ЯЗЫКИ. Г. Латинско-фалисская подгруппа италийских языков

13. Латинский

Латынь была одним из языков великокняжеской канцелярии и двора и сакральным языком устного и письменного (позднее печатного) общения тех многочисленных жителей западной части государства, которые исповедовали католическую веру, а также основным языком богословской и университетской учености. С латыни сделано много переводов на польский и старолитовский. По мере становления и развития таких богословских и культурных центров, как Вильнюсский университет, все большее значение приобретает латынь в качестве основного языка (не только письменного, но и устного в ученых диспутах) познания. Вместе с тем именно в сочинениях на латыни в Центральную Европу проникают идеи таких неордоксальных с точки зрения католической церкви последователей гениального Иохима из Фиоре, как Дольчино, от которых в 1318г. папа Иоанн XXI I предостерегает епископа Краковского [28]. Для лингвистики особое значение имеет использование именно этого инструмента как металингвистического, в частности, в словарях и грамматиках языков (старолитовского и других) и в рассуждениях о соотношениях языков [29]. В некоторых особых случаях латинский язык в качестве разговорного койнэ становился преимущественным языком придворного общения, как при дворе Стефана Батория, который сам не владел ни одним из основных языков управляемой им страны.

Д. Восточно-индоевропейские языки

14. Армянский

В X IV в. значительные массы армянского населения переселяются в Галицкую Русь и в Подолье и заселяют также прилегающие к ним районы Польши и Великого Княжества Литовского. К 1356г. относится грамота, дарованная армянам Львова польским королем Сигизмундом, к 1367г. – утверждение Григория армянским епископом Львова. Армянский язык вплоть до XVI в. сохраняется в качестве сакрального языка в церковном общении и после перехода большей части его носителей на другие языки, в частности, на кыпчакский польско-литовско-татарский, и принятия ими католической веры. Носители последнего в своих текстах, содержащих и армянские заимствования наряду со славянскими, пользуются армянским письмом. Некоторые тексты, как псалтырь XVI I –го в., хранящаяся в Кракове (библиотека Музея Чарторыского, N 3546), написаны на двух языках – армянском и тюркском – кыпчакском.

15. Греческий

Греческий язык использовался как один из священных языков христианской церкви и преподавания в православных и католических духовных учебных заведениях и в университетах. С греческого переведены некоторые из церковнославянских текстов, имевших распространение (не только рукописное, но и печатное) на территории Великого Княжества Литовского.

16. Цыганский

Есть данные, по которым носители центрально-европейских диалектов цыганского (индо-арийского) языка, содержащих заимствования из южно-славянских и других балканских языков, находились в Вильнюсе уже 1501г. Появление носителей юго-восточных (украинских) диалектов, в которых к тому времени были уже восточно-славянские заимствования, можно предположить для соответствующей территории Великого Княжества Литовского уже в предшествующие века.

Г. Тюркские языки.

17. Караимский. Язык, относимый к кыпчакско-половецкой группе тюркских языков, со времен великого князя Витовта был распространен при его дворе и под столицей – Вильнюсом в

Трокае (см. вводную часть настоящего сообщения). Хотя сфера общения носителей языка за пределами замкнутой караимской этнической и религиозной общности оставалась весьма ограниченной, караимам приходилось для этих внешних целей пользоваться такими общепотребительными языками, как литовский, польский и западно-русский. Они были двуязычными или многоязычными, но удержали свой язык на протяжении больше чем половины тысячелетия.

18. Литовско- татарский (кыпчакский). В то время как основная масса литовских татар, говоривших на тюркском языке кыпчакско-половецкой группы, во второй половине XVI-го в. переходит на простую мову, сохраняя при этом мусульманскую веру, вариант этого языка употребляется польскими армянами, перешедшими в католичество и использовавшими в деловой переписке с 1667г. польский язык, на

который они впоследствии переходят полностью. Тюркские тексты записаны армянским письмом и в значительной степени переведены с армянского. Самый поздний написанный армянским письмом текст на тюркском письменном языке относится к 1681г. Славянские заимствования в этом языке частично имеют восточно-славянскую фонетическую форму: так, в своде законов польский король именуется *k'orol polski* (существительное образует правильные тюркские формы: *k'orol-ga, k'orol-nung*)[30]. Можно думать, что эти заимствования из простой мовы были сделаны на территории Великого Княжества Литовского, в Галиции и Подолии, куда армяне, позднее перешедшие на кыпчакский тюркский язык, переселились в XIII-XV вв. из Крыма, с Северного Кавказа и других областей на северном берегу Черного моря. Интерес представляет название латинского языка *nētič* из славянского обозначения тех, кто не может говорить на языке данной группы[31] (литовско-татарский язык обозначается как *bizim tilg a* «наш язык» или как *xəp/bəx* «кыпчакский», армянский- *ērmēn*). Число таких заимствований из западно-русского и из польского немногочисленно, как и число заимствований из армянского.

У мусульман- литовских татар, перешедших на простую мову, кыпчакский язык остается одним из священных языков, иерархически менее значимыми, чем арабский (ср. ниже).

Д. Семитские языки

19. Древнееврейский

Древнееврейский язык был священным языком текстов, использовавшихся при богослужении, в котором принимали участие миряне, говорившие в одном случае на идиш (количественно значительная группа населения в разных частях Великого Княжества), в другом- на караимском языке (в административном центре Литвы- Вильнюсе и около него). Разница между языковыми соотношениями в этих двух группах населения заключалась в том, что в первом случае в них участвовал и арамейский язык, выступавший в роли священного языка высшего ранга (см. ниже об отражении этого различия в языках славянского перевода), тогда как у караимов, не признававших Талмуда и других текстов, написанных по-арамейски, древнееврейский был единственным сакральным языком. На древнееврейском написан также ряд богословских, мистических и научных текстов, переведенных на письменный западно-русский язык.

20. Арамейский.

Язык использовался в священных текстах Талмуда и наиболее сакрально отмеченной молитве Йом Киппура *Kol Nidrey* всем еврейским населением, говорившим на идиш, и мог считаться сакральным языком первостепенной важности (ср. ниже о его функциональном отношении к церковнославянскому и переводах с него на церковнославянский).

21. Арабский. Арабский язык использовался на территории Великого Княжества Литовского в качестве священного языка мусульман, разговорными языками которых могли быть западно-русский (простая мова), кыпчакский-татарский и еще некоторые языки из числа названных выше (есть сведения, хотя и недостаточно подробные, о проживании в Великом Княжестве и мусульман- носителей других языков, например, кабардино- черкесского, с точки зрения генеалогической классификации относящегося к западным северокавказским языкам). Классический арабский как язык «Корана» или хотя бы отдельных отрывков из него был известен части этой конфессиональной группы населения. Другие знали соответствующие тексты главным образом по переводам. Но существовало очень значительное число славянских текстов, записанных арабским письмом. Есть 4 вида «литовско-польских» (в других терминах «белорусских») кыпчакско-татарских рукописей, писанных арабским письмом и переведенных на простую мову с арабских и тюркских подлинников, но при этом иногда включающие небольшие отрывки оригинала: 1. «Китабы» (или «Аль-китабы» от арабск. *kitab* 'книга', форма с определенным артиклем *al-kitab*). Эти тексты содержат богословские, нравственные и исторические рассуждения, религиозные истории и мифологические повествования[32]. 2) **Тэфсиры** (от арабск. *tafsir* «комментарий, толкование») представляют собой построчный перевод текстов Корана на польский или рутенский язык и близкие ему диалекты. 3) **Хамаилы** (от арабск. *hama'il* «талисман»)- маленькие куски бумаги с магическими заклинаниями. У одного из высших мусульманских духовных лиц (муфтия) Вильнюса хранились такие бумаги с записанными кириллицей частями Корана и их славянским переводом. Но большинство хамаилов, как и «далавары» (от тюркск. *dua-lar* "молитвы") написаны по-арабски или на одном из тюркских диалектов. 4) **Теджвиды** (от арабск. *tadjudid* «правила верного чтения Корана») написаны «по-просту». В «западно-русских» (или «рутенских») текстах, переведенных с арабского или тюркского, встречаются ключевые термины, заимствованные (с относительно небольшими фонетическими изменениями, касающимися преимущественно гласных) из языка оригинала, напр., арабск. *farz* "нравственное обязательство, необходимое поведение", *rasul* «пророк», *bāb* «раздел, часть книги», *taktab* ««мусульманская школа» [33]. Переводить на простую мову начали во второй половине XVI-го века, когда на нее переходит большинство татар, живших в Великом Княжестве Литовском.

Е. Финно-угорские языки

22. Эстонский и ливский. Оба балто-финских языка (как и некоторые другие им родственные, в том числе и отраженные в новгородских берестяных грамотах), находились на северной границе Великого Княжества Литовского[34]. Их ранние контакты с северо-западными русскими (древненогородским и псковским) диалектами, также распространенными у этой границы, свидетельствуются такими древними заимствованиями, как староестонские названия «мыла» и «вил», отражающими развитие **dl>gl*[35], общее для этих северных восточнославянских диалектов с западно-украинскими и северо-западнославянским (см. выше).

23. Венгерский. Роль венгерского языка стала значительной во время правления Стефана Батория, который на нем изъяснялся с придворными, знавшими этот язык. Сам он других разговорных языков управляемого им государства не знал и пользовался как койнэ латинским языком.

II. Соотношение между разными письменными языками

1.Письменный западно-русский в его функциональном отношении к церковнославянскому

Для выяснения функционального соотношения письменного западно-русского (в его сакральном употреблении) и церковнославянского, из которого в западно-русском содержится столько заимствований, что грань между этими языками не всегда легко определить, особое значение имеет открытие, сделанное выдающимся исследователем древнерусско-еврейских культурных связей А.Архиповым[36], недавно развитое М. Таубе, работы которого[37] открывают (вслед за трудами его учителя М. Альтбауэра[38]) новый период в исследовании западно-русской литературы, переведенной с древнееврейского. Как показали А.Архипов и М.Таубе, в Книге Даниила (рукопись XVIв.)[39] те части, которые написаны по-древнееврейски, переведены на письменный западно-русский язык, тогда как арамейские части переведены на церковнославянский. Согласно Таубе, это можно объяснить тем, что арамейский в это время уже воспринимался как сверхсвященный язык, тогда как древнееврейский уступал ему в степени сакральности[40]. В таком случае для соответствующей среды сходное соотношение можно предположить и между двумя славянскими письменными языками. Церковнославянский можно было бы считать языком высокой степени сакральности, а западно-русский занимал следующее за ним место в иерархии языков. Можно было бы попытаться продолжить это противопоставление письменных языков, занявших их связь с разговорными языками. Функции повседневного общения в еврейской среде в основном выполнял идиш, в славянской- разговорный западнорусский. Если намеченные соотношения верны, то ситуацию можно представить следующим образом, см. Таблицу 1:

ТАБЛИЦА 1. ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СООТНОШЕНИЕ ЯЗЫКОВ

	ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ТИП ЯЗЫКА		
	СВЯЩЕННЫЕ ЯЗЫКИ		ЯЗЫК МИРЯН
ТИП КОНФЕССИИ	ВЫСОКИЙ РАНГ	СЛЕДУЮЩИЙ РАНГ	РАЗГОВОРНЫЙ
ПРАВОСЛАВИЕ	церковнославянский	письменный западнорусский в сакральном употреблении (простая мова)	разговорный западнорусский (русская мова)
ИУДАИЗМ	арамейский	древнееврейский	идиш

Получаемая трехфункциональная система напоминает (при различии функций промежуточного типа) теорию трех штилей Ломоносова, которую , однако, нередко выводят из французских теорий литературного языка. Сопоставление этих двух систем, в которых высшей точкой отсчета служит церковнославянский, может быть не только типологическим, если принять во внимание вероятную историческую преемственность теорий XVI II в. по отношению к предшествовавшему XVI I в., когда и языковая практика (в том числе и поэтическая у поэтов польско-русского барокко, как Полоцкий и Белобокций), и в особенности ее металингвистическое описание, складывалось под сильнейшим воздействием норм и представлений, сложившихся либо в Великом Княжестве Литовском, либо в областях, с ним связанных, как Польша и Украина.

Можно думать, что типологически сходное разделение функций двух сакральных языков- арабского и западнорусского (тексты на котором записывались арабским письмом)- могло иметь место в определенный период и у литовских (польских) татар: наиболее престижным всегда был арабский язык (отчасти иногда в сочетании с тюркским кыпчакским татарским, что ведет к усложнению системы, становящейся трехступенчатой при сохранении первого места у арабского языка и второго у тюркского), но для повседневного широкого употребления священные тексты переводились на простую мову, хотя записывались арабским (сакральным) письмом .

В других случаях, когда есть несколько сакральных языков, например, в Литве XVI I в. латинский, польский и старолитовский (в большой степени совпадающий с разговорными старолитовскими аукштайтскими диалектами), определение иерархической соотнесенности их друг с другом зависит от целого ряда дополнительных факторов.

2. Соотношение между языками и письменностями и проблемы перевода и перекодирования

Соотношение между некоторыми из охарактеризованных выше языков в функциях сакрального и/или мирского повседневного общения , письменностями и религиями может быть проиллюстрировано в таблице 2.

ТАБЛИЦА 2. СВЯЗИ ЯЗЫКА, РЕЛИГИИ И ПИСЬМЕННОСТИ

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА	РЕЛИГИЯ	РАЗГОВОРНЫЙ ЯЗЫК	СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫК	ПИСЬМО
западно-русские (украинцы и белоруссы)	православие (восточное христианство)	простая мова (устный рутенский или	церковнославянский и простая мова (письменный	кириллица

		западнорусский) язык	рутенский или западнорусский) язык	
евреи	иудаизм	идиш	древнееврейский и арамейский	еврейское и арамейское
караимы	вариант иудаизма (без Талмуда)	тюркский (кыпчакский) караимский	древнееврейский	еврейское
литовские татары	Ислам	простая мова	арабский, кыпчакский и простая мова (письменный рутенский или западнорусский)	арабское
армяне (татары)	католичество (западное христианство)	тюркский (кыпчакский) татарский	латинский	армянское

По отношению к некоторым языкам положение осложняется социолингвистическими различиями, что можно показать на примере определенных периодов в истории восточнобалтийских языков, см. таблицу 3.

ТАБЛИЦА 3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРУППА	ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД	РЕЛИГИЯ	ЯЗЫК ЭЛИТЫ	СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫК	ЯЗЫК ПРОСТОГО НАСЕЛЕНИЯ	ПИСЬМО
литовцы	после образования великого княжества до принятия католичества	язычество (древняя архаическая религия, восходящая к то-славянской и индоевропейской)	простая мова и русская мова (письменный западнорусский или рутенский язык)	литовский и литовские диалекты (жемайтский и др.) про-		кириллица для простой мовы, литовский бесписьменный
латыши	после упрочения Тевтонского ордена	христианство	немецкий	латынь	латышский	латинское

Проблема письменности была основной для соотнесения языковых и религиозных традиций. При конфликте простой мовы и польского языка в период окончания существования Великого Княжества Литовского одной из главных проблем остается возможность использования кириллицы. Татары, перешедшие на русскую мову, при этом тексты на нем записывают арабским письмом, которое было до того связано с сакральным арабским языком; татары- армяне, до XVI в. пользовавшиеся тюркским кыпчакским языком, сохраняют армянское письмо, которое до перехода в католичество у них было связано с их ранним сакральным языком- армянским.

При переводе на другой язык большое значение имело транслитерация[41]. Для славистики представляется весьма интересным, что при переводе с одного славянского языка на другой родственные слова перекодируются друг в друга по звуковым законам, которые позднее были открыты сравнительным языкознанием. Можно напомнить формулировку Романа Якобсона: «говорящие сравнивают между собой языки» (speakers compare languages). В данном случае этим занимаются переводчики, чья языковая практика на века опережает развитие науки о языке.

Приведу примеры, обнаруживаемые при сопоставлении перевода на простую мову (п.м.) и старочешского (ч.) текста *Песни песен*[42]: п.м. **СТ ОРО ЖЕ(-^М)/-МЪ**: ч. *straž(-)n-u-/u-m* (1:5 и 8:11) и п.м. **СТ ОРО ЖЕВЕ**: ч. *straž(-)nij* (5:7); п.м. **ПОРОХУ**: ч. *prachu* (3:6), также в корне, выступающем с разными префиксами и суффиксами в оригинале и в переводе: п.м. **Ѡ(-)ГОРОД-А** п.м. **Ѡ(-)ГОРОД(-)ОКЪ**: ч. *za(-)hrad(-)a/u* (4:12 и 4:16) и п.м. **ѠГОРОДЪМ(ЖЕ)**: ч. *ohradme* (8:9); п.м. **ОБОРОЧАНІЕ**: ч. *obracenie* (7:10) -**ого**: **га**: п.м. **МОЛО^АЦИ**: ч. *mladicie* (1:1) и п.м. **МОЛОДИЦАМЪ**: ч. *mladicem* (6:7); п.м. **ЗОЛОТЫЙ**: ч. *zlatte* (1:10), п.м. **ЗОЛОТОЕ**: ч. *zlatte* (3:10) и

п.м. **ЗОЛОТА** : ч. *zlatto* (5:11) ; п.м. **ГОЛОС**^C : ч. *hlas* (1:10 ; 2:8 ; 2:12; в 2:14 дважды повторяется; 5:2);
 п.м. **ГОЛОВ-А/-Ы**: ч. *hlaw-a/-y* (5 : 2 и 7:5), п.м. **ВОЛОСЫ**: ч. *vlasowe* (6:4), : ч. *vlas-i* (7:5) - **olo: la:**
 п.м. **СЕРЕБРО**^M : ч. *střiebrem* (1:10), п.м. **СЕРЕБРЯНЫИ** : ч. *střie brne* (8: 9); п.м. ; п.м.
ПЕРЕСКАКИВАЮЧИ : ч. *přeskakuge* (2: 8), п.м. **ДЕРЕВОМЪ** : ч. *dřiewem* (8:5), п.м. **ѠСТЕРЕГАЮ** :
 ч. *ostřie hagij* (8:12) - **ere: řie/ ře:** ; п.м. **ОУВЕЛ** : ч. *uwedl* (1:3 и 2:4); п.м. **ГОР-Л-У/-О** : ч. *hrdl-u-o* (1:9 ,
 5:16 и 7:9), п.м. **ГОРЬДИ**^{KA} : ч. *hrdlie* (1:9) и п.м. **ГОРЬДИЧИНЪ** : ч. *hrdliči* (2:12) - **l:dl:** п.м.
ЗЕМЛИ : ч. *zemi* (2:12)- **ml': m-**.

На основании приведенных соответствий и других, им аналогичных, можно утверждать, что по фонетическим критериям язык перевода он является восточнославянским (но смешанный тип языка проявляется в наличии нескольких дублетов типа **ГОЛОВА:ГЛАВА**; как и в литературном русском языке, слова второго рода представляют собой лексические заимствования из церковнославянского, а в данном тексте- и из старочешского оригинала; слова первого рода- восточнославянские отличаются регулярностью фонетических соответствий и статистически преобладают) . Перекодируя слова, по облику западнославянские (старочешские) в тексте, содержащем и южнославянские церковнославянские формы, переводчик заменял формы на восточнославянские, действуя в соответствии с теми правилами, которые несколько веков спустя были открыты сравнительно-историческим славянским языкознанием. При значительной близости языков это делало возможным частично заменять перевод фонетическим перекодированием.

В Великом Княжестве Литовском при существовании ряда важных в религиозном и культурном отношениях языков перевод с них на основные языки, служащие для общения, осуществляется в соответствии с принципами , выработанными в каждой из данных культурных традиций. В качестве примера можно привести Свод законов польских армян, составленный на их польско-литовско-татарском тюркском (кыпчакском) языке. В нем повторяется формула «переводить с языка (*tilin-dan*) ... на язык (*tilin-a*)», которая буквально (с минимальными вариациями падежных форм) совпадает с применявшейся почти за тысячелетие до этого в многочисленных переводах на родственный древнетюркский язык в Центральной Азии, отличавшейся не меньшим языковым многообразием, ср. *tilin-tin... tilin* в древнеуйгурском переводе китайского буддийского сочинения «Да Тан Дацзыньсы Сань-цзан фаши чжуань» (Ин-т Востоковедения РАН, С.-Петербург), *tilin-tin... tilin-čā* (также с обратным порядком слов) в сходном контексте переводов с «тавгачского» языка на тюркский в других уйгурских текстах^[43] и в часто приводимом в литературе по тохарским языкам колофоне тюркского текста, переведенного с тохарского А оригинала, который сам переведен с «угу-кушанского».

Существование в устном языковом и письменном общении в Великом Княжестве Литовском нескольких семантических сфер текстов, связанных с главными религиями Западной Евразии осевого времени-христианства (в его восточных и западных разновидностях), иудаизма (с его вариациями) и мусульманства- делало задачу перевода крайне важной как для достижения единства разных этнических групп внутри каждой из этих сфер, так и для установления связей между этими основными сферами. С последней точки зрения особенно существенны переводы с древнееврейского на простую мову. По отношению к языкам, использовавшимся в начале рассматриваемого периода в зоне сохранения архаических мифологий при бесписьменном характере основного языка населения, характерен в случае социальной необходимости в письменном языке выбор такого из уже имеющихся койнэ, которое в наименьшей степени угрожает стабильности существующей системы. Так может объясняться выбор простой мовы как канцелярского языка первыми литовскими великими князьями.

ЛИТЕРАТУРА

Антонович, А.К. Белорусские тексты писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968.

Архипов, Андрей По ту сторону Самбатона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X-XVI веках (Monuments of Early Russian Literature 9). Oakland: Berkeley Slavistic Specialities, 1995.

Борковский, Виктор И., Кузнецов, Петр С. Историческая грамматика русского языка. М.: изд. АН СССР, 1963.

Евсеев, Е. Книга пророка Даниила в переводе жидовствующих по рукописи XVI в.- Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 202. М., 1902, стр. 127-164.

Евсеев, Е. Книга пророка Даниила в древне-славянском переводе: введение и тексты. М. 1905.

Зализняк Андрей А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.

Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В.Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука. 1974.

Карский, Е.Ф. Белоруссы. Язык белорусского народа. Вып.1. М.: изд. АН СССР. 1955.

Кузнецов, Петр С. (ред.) Русская диалектология. М.: Просвещение, 1973.

Таубе, Моше Предисловие к Логическим Терминам Маймонида и ересь жидовствующих.- В кн.: Памяти Я.С. Лурье. СПб: Феникс, 1997, стр. 239-246.

Таубе, Моше Подлинный и вымышленный Иерусалим в восточнославянских переводах с еврейского 15-го века.- Jews and Slavs, ed. W. Moskovich e.a., 7, 2000, pp.41-47.

Топоров, Владимир Н. Вильна: город и миф.- В кн.: Балтославянские этноязыковые контакты. М. 1980, с.3-71.

- Топоров, Владимир Н. К вопросу о «новгородско-литовском» пространстве и его языковой характеристике (по материалам X III - XV вв.).- In: Res Baltica, Pisa, 2001, pp. 7-22.
- Трубецкой, Николай С., кн. Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987.
- Черных, Павел Я. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1962.
- Шахматов Александр А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Энциклопедия славянской филологии. I I, I. П., 1915.
- Янин, Валентин Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII - XV вв. М.: Наука, 1986.
- Altbauer, Moshe The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262) Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities, 1992.
- Brogi Bercoff Z zagadnień różnic kulturowych na ziemiach wschodniosłowiańskich na przykładzie trójjęzycznych dzieł Stefana Jaworskiego.- В кн.: Barok w Polsce i w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2000, s. 69-83.
- Déczy, Gyula, Krueger, B. The Linguistic Identity of Europe. Pt.1, Bloomington, Indiana, 2000.
- Dini, Pietro U. Polyglossia and linguistic Variations in the Grand Duchy of Lithuania according to Miccovita (XVI cent.).- Zoltán 2000, pp. 49-54.
- Dufala, Kristina Ze skarbów kultury tatarskiej.- Zoltán 2000, s.59-64.
- Gabain, A. Alttürkische Grammatik. Heidelberg: Carl Winter, 1954.
- Harris, R. Boanerges. London, 1911.
- Ivanov, Vyacheslav V., and Dini, Pietro. Languages/ Writings/ Religions/ Cultures in the Great Duchy of Lithuania and Neighbouring Areas in 14-17th Centuries (Sociological Situation/Polyglossia).-Res Baltica, Pisa, 2001, pp. 199-203 (русский вариант статьи печатается в: Балто-славянские исследования, М.: Индрик, 2002).
- Kuraszkiewicz, W. Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych Warszawa, 1954
- Łapicz, Czesław Kitab tatarów litewsko-polskich (Paleografia, grafika, język). Uniwersytet Mikołaja Kopernika, Rozprawy. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1986.
- Lewicki, Marian, Kohnowa, Renata La version turque-kiptchak du *code des lois des Armeniens polonais* d'après le ms. N 1916 de la Bibliothèque Ossolineum.- Rocznik Orientalistyczny, t.XXI, 1957, pp. 153- 300.
- Meredith- Owens, G.M., Nadson, A. The Byelorussian Tartars and their Writings.- The Journal of Byelorussian Studies, t.2, N2, pp. 141-176.
- Miakiszew, Włodzimierz «Мовы» Великого княжества Литовского в единстве своих противоположностей.- В кн.: Zoltán 2000, pp. 165-172.
- Reeves, Marjorie The Influence of Prophecy in the Later Middle Ages. A Study in Joachimism. Notre Dame, 1993.
- Reeves, Marjorie Joachim of Fiore & the prophetic future. Phoenix Mill: Sutton Publishing, 1999
- Shevelov, G. A Historical Phonology of the Ukrainian Language. Heidelberg, 1979
- Stang, Chr.S. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.
- Stang, Chr.S. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polotzk. Oslo, 1939
- Taube, Moshe On two related Russian translations of the Song of Songs.-Slavica Hierosolymitana, 7, 1985, pp. 203-210.
- Taube, Moshe The Spiritual Circle in the Secret of Secrets and The Poem of the Soul.- Harvard Ukrainian Studies, 18, N 3/4, 1994 (издано в 1998г.), pp. 671-685.
- Taube, Moshe The "Poem of the Soul" in the Laodicean Epistle and Literature of the Judaizers.- Harvard Ukrainian Studies, 19, 1995a, pp. 671-685.
- Taube, Moshe The Kievan Jew Zacharia and the astronomical Works of the Judaizers.- Jews and Slavs, ed. W. Moskovich e.a., 3, 1995b, pp.41-47.
- Taube, Moshe, Lunt, H.G. The Slavonic Book of Esther. Text, Lexicon, Linguistic analysis, Problems of Translation. Harvard Series in Ukrainian Studies, 1998.
- Toporov, V. Baltų mitologijos ir ritualo tyrimai. Rinktinė. Sudarė N.Mikhailov. Vilnius, 2000.
- Verkholtantsev, Julia [Рец. на] Zoltan 2000. - In: Res Baltica, Pisa, 2001, pp. 223-227.

Verkholantsev, Julia A Fifteenth Century Ruthenian Translation of the Song of the Songs from Czech. -, UCLA Indo-European Studies, vol.III, ed. B.Vine, V.Ivanov. Angeles, 2003a (в печати).

Verkholantsev, Julia Lingua Ruthena Usitata in Polonia (Towards the Description of Ruthenian as a *Koinē* Formation of East and West Slavic). UCLA Dissertation 2003b (готовится к печати).

Ward, D. Indo-European Twins. Los Angeles: University of California Press, 1954.

Wexler, P. A historical Phonology of the Belorussian Language. Heidelberg, 1977.

Zoltán, András (ред.) Studia Russica. XV III. Budapest, 2000.

[1] Одним из первых примеров использования аппарата исторической лингвистики для решения вопросов языковой политики в Европе, была книга Мейе о языках в новой Европе, написанная после Версальского мира, ср. также чисто типологическое сопоставление языков Европы в замечательной монографии Э. Леви и в недавней книге Déczy, Krueger 2000 и (по отношению к семантике и лексике) в Европейском Лингвистическом Атласе.

[2] Обилие публикаций последних лет, в том числе и материалов нескольких специальных конференций, посвященных этой проблематике, исключает сколько-нибудь исчерпывающую библиографию в рамках этого сообщения. Я ограничился ссылками лишь на работы, в большей степени использованные при его написании.

[3] Похожие мысли выдвинуты в недавнее время в связи с идеей объединения польского, кашубского,

литовского, белорусского и украинского языков в «зону Рокитно» (Rokytno-Zone): Déczy, Krueger 2000, pp. 130-151. Развивая идею Романа Якобсона о типологии политонических систем, можно было бы предположить наличие частично пересекающейся с зоной Рокитно политонической области, кроме тоновых различий характеризующей суперсегментным функционированием ларингализации наряду с тонами : Ivanov, Dini 2001, p. 200.

[4] Разумеется, нельзя односторонне идеализировать ситуацию. Например, на территории бывшего Великого Княжества и в Польше, и в Литве, и на Украине были и в отдельные ранние периоды и позднее еврейские погромы и другие проявления взаимной ненависти этнических и религиозных групп. Но, оставаясь в пределах польской научной традиции XX-го века, я бы сослался на остающийся злободневным опыт гениального «польско-русского» (термин Р.О.Якобсона) лингвиста Бодуэна де Куртунэ, защищавшего права национальных меньшинств и в России начала века (где он сидел из-за этого в тюрьме), и в Польше (где от имени меньшинств он был выдвинут кандидатом в первые президенты). Из польских семиотиков, мне лично близких, этой проблемой в последние годы жизни был поглощен С.Жулковский.

[5] Ср. предварительную классификацию, в которую ниже внесены некоторые уточнения и дополнения : Ivanov, Dini 2001. В данном тексте языки для наглядности изложения перечислены в соответствии с их местом в генеалогической классификации, которая по сути в этом случае представляет меньший интерес по сравнению с позднейшими контактными их связями. Термин «Великое Княжество Литовское» относится и к государству, образовавшемуся после его унии с Польшей, но языковая ситуация в самой Польше, детально изученная в ряде работ, ниже специально не рассматривается. Отмечены только такие распространенные на территории Польши языки, как литовско- или польско-татарский (кыпчакский), которые были представлены в Великом Княжестве Литовском.

[6] Значительный культурно-исторический и психологический интерес могут представить причины выбора этого языка и использовавшейся для его записи кириллицы первыми великими князьями, говорившими по-литовски и сохранявшими верность старой восточно-балтийской мифологии (см. Топоров 1980; Торогов 2000 с дальнейшей библиографией). Некоторые из них, как Ягайло (с детства), сами могли владеть западнорусским языком, что было обычно у литовской знати того времени.

[7] О диалектном и хронологическом приурочении и географическом распространении: Shevelov

1979, pp. 425-428.

[8] Stang 1935; 1939. Обратное по сравнению с канцелярским языком соотношение по времени между элементами белорусского и украинского происхождения предполагается для ученого жанра языка, ср. Miakiszew 2000.

[9] Данные ранних западнорусских памятников: Карский 1955, с.202-207.

[10] Kuraszkiewicz 1954, с.82; Wexler 1977, pp.140-141; Shevelov 1979, pp.294-301; материал из ранних западнорусских памятников: Карский 1955, с.330-332.

[11] См. анализ написания в древних западнорусских текстах в сопоставлении с диалектными данными Карский 1955, с.369-373. Структурный очерк причин этого изменения дан князем Н.С.Трубецким: Трубецкой 1987, с.169-172. В текстах, написанных арабским письмом, в соответствующих формах встречается графема 'h' ('hā'), нередко чередующаяся с графемой [g] ('ghajā'), см. примеры типа dobreho-tego: Łapicz 1986, с.131; одной из возможных фонетических интерпретаций могло бы быть заднее фарингальное h, которое обнаруживается в украинских, части белорусских и юго-западных русских говорах (в отличие от заднеязычного звонкого фриктивного или смычного в других восточнославянских диалектах). Написание [g] ('ghajā') может рассматриваться как полонизм: Łapicz 1986, с.154.

[12] Кузнецов 1973, стр. 30-31.

[13] О написании в ранних западнорусских памятниках: Карский 1955, с.104-108.

[14] Meredith, Owen, Nadson 1973.

[15] Антонович 1968; Łapicz 1986 (там же литература вопроса). Выводы Станга (Stang 1935, SS. 123-131) по отношению к языку этих текстов неверны, потому что он основывался на ошибочной ранней их датировке. При принятии установленной даты (конец XVII в.) отраженная в них поздняя фаза развития представляется предельно близкой к белорусской речи в отличие от значительно меньше с ней сходного канцелярского языка, который на несколько столетий старше. Станг думал объяснить эту разницу только жанровым и стилистическим различием, тогда как наряду с ним нужно учитывать значительно более важное расстояние во времени между этими фазами языка.

[16] Ср., напр., Кузнецов 1973, с.20.

[17] Verkholtantsev 2001, p.225; 2003a-b.

[18] Miakiszew 2000.

[19] Вопрос подробно изучен Ю.Верхоланцевой: Verkolantsev 2000; 2003a.

[20] Verkholtantsev 2003a-b .

[21] См. об историческом контексте и его отражении в языковом материале: Янин 1986; Топоров 2001. Показательно само наличие *Прусской* по названию части в Новгороде.

[22] Шахматов 1915. См. суммарно об этом явлении : Борковский, Кузнецов 1963, стр. 94-95; Черных 1962, 90-92; Зализняк 1995.

[23] Совпадает, в частности, характер тех глагольных форм с исходом основы на зубной смычный в позиции перед окончанием, начинающимся с *-l*, где по преимуществу отмечается это явление. Соответствующие факты юго-западных украинских говоров были изучены уже начиная с 1920-х годов, см. Shevelov 1979 с библиографией, но их соотнесению с данными более северных славянских и балтийских диалектов препятствовало значительное географическое расстояние, их разделяющее. Однако с точки зрения геолингвистики речь может идти об изоглоссе, объединяющей маргинальные диалекты. Тем не менее при отсутствии данных о наличии подобного фонологического изменения в других славянских диалектах Великого Княжества Литовского остается и возможность чисто типологического схождения.

[24] С точки зрения исторической типологии успехи походов литовских великих князей, расширивших пределы великого княжества от моря до моря, можно было бы сравнить с быстротой и размахом монгольских и тюркских завоеваний, совершенных также народами, не имевшими религии типа той, которая характерна для осевого времени по Ясперсу.

[25] Еще Харрис (Harris 1911) в особой главе своей книги о близнецном культе отмечал исключительный архаизм образов латышских дайн, ср.Ward 1954. Сходные мысли подробно обоснованы в специальных работах В.Н.Топорова и автора настоящего текста, ср.Иванов, Топоров 1974.

[26] Ср. выше о границах зоны, определяемой системой тонов. Из общих для всей околобалтийской мифологической зоны тем можно отметить намеченный литовским фольклористом Балисом еще в его довоенных работах сюжет преследования Богом Грозы его противника (который в христианское время переосмысливается как Чёрт). Сюжет остается центральным и для народной мифологии Литвы, Белоруссии и Польши и поэтому характеризует архаичный слой дохристианских представлений на всей территории Великого Княжества Литовского, ср. Иванов, Топоров 1974.

[27] Вместе с тем нужно заметить, что если верны предположенные В.Шмидом параллели формам этого словарика в идиш, это не только не служило бы доводом в пользу его подложности, но скорее говорило бы о фиксации тех реальных контактов разговорных языков, которые должны были быть характерными для языковой ситуации Великого Княжества Литовского.

[28] Reeves 1993, p. 247; 1999, p. 49.

[29] Предмет настоящего сообщения частично предвосхищают многочисленные латинские сочинения, написанные в Польше и в Литве. Их анализ дан в ряде работ П. Дини, таких, например, как: Dini 2000.

[30] См. тексты, приведенные в издании: Lewicki, Kohnowa 1957, с. 158-159 и след.

[31] Повидимому, этим можно было бы объяснить случаи, когда это слово относится и к польскому языку, см. текст, опубликованный в работе:Lewicki, Kohnowa 1957, pp.159, 252, 278.

[32] Напр. «Китаб» Милкамановича, копированный в 1781г. и обнаруживающий сочетание белорусских элементов с польскими: Łapicz 1986. Самый ранний из известных китабов относится к 1631г., но традиция их сочинения начинается не меньше чем на столетие до этого. Ср. Dufala 2000.

[33] Akiner 1978; : Łapicz 1986, стр. 228, 232.

[34] В последний период существования Великого Княжества Литовского эстонский отчасти и ливский целиком входили в его номинальную территорию, ср. карту Европы в 1610г.: Friedrich 1952, pp.XIV-XV Но с относительной свободой и терпимостью совмещались рыхлость организации государства или его

аморфность : по существу обе области входили в сферу влияния немецких тевтонских орденов и соответственно немецких диалектов.

[35] Впервые указано: Шахматов 1915. См. об этом явлении в славянском и балтийском выше.

[36] Архипов 1995, с. 164 след. (предварительная формулировка дана уже в его диссертации 1982г. о гебраизмах в западно-русской Книге Даниила).

[37] Taube 1985; 1994; 1995a; 1995b; 1998; Таубе 1997; 2000; Taube, Lunt 1998.

[38] Altbauer 1992.

[39] Евсеев 1902; 1905; Архипов 1995. Сейчас кодекс F-19-262 в собрании Литовской Академии Наук в Вильнюсе.

[40] Эта относительно более новая ситуация не имела места у караимов, которые не пользовались Талмудом и ограничивались в своем варианте иудаизма только священными книгами, написанными по-древнееврейски. Более ранняя картина соотношения древнееврейского и арамейского может быть восстановлена на основании таких мест Ветхого Завета, как Иеремия 10: 11 (правители-язычники говорят по-арамейски, правоверное население по-древнееврейски), Книга Бытия, 31: 47 (Лабан говорит по-арамейски, Яков- по-древнееврейски). Соотношение этих языков в Книге Даниила не вполне точно соответствует распределению по главам двух славянских священных языков в западно-русском переводе, но причины этого неполного соответствия пока не выявлены..

[41] См. подробно: Verkholantsev 2001-2003b.

[42] Сравнение проведено при сопоставлении двух параллельных текстов - западнорусского и чешского - в приложении к указанным выше работам Ю.Верхоланцевой (там же), которая дала их детальный анализ по другим стилистическим критериям. В скобках указаны цитируемые места рукописей: рутенского (Синодальное Собрание 558, Гос. Исторический Музей, Москва) и чешского (библия *Padeřovská*) текста.

[43] См. раздел «Kolophone» в антологии, приложенной к книге Gabain 1954.

[сервисный центр Toshiba](#) . [ремонт телефонов нokia](#) . Империя - космическая стратегия: [игры онлайн](#) .

AD]